

26-е ЯНВАРЯ ВЪ ЛАВРѢ СВ. САВВЫ.

Иерусалимъ. 27 января 1868.

Преимущество неоцѣнимое быть на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ совершилось то или другое, воспоминаемое церковію, событіе. Святая земля преесполнена такихъ мѣстъ, ознаменовавшихъ событіями самой высокой важности. Во слѣдъ евангелію, на ней обильнѣйшимъ потокомъ, на цѣлый рядъ вѣковъ, пролилась новая жизнь человѣчества, запечатлѣнная знаменіями и чудесами, надъ которыми изумѣваетъ умъ и истаеваетъ въ умиленіи сердце. Если бы досугъ, удобство и средства, то въ теченіе одного напр. текущаго мѣсяца можно-бы было отпраздновать въ разныхъ окрестностяхъ св. града, кромѣ дня Богоявленія (6 ч.), еще дни: преп. *Георгія Хозевита* (8 ч.), въ бывшей лаврѣ Хозсвѣ или Хузивѣ,—преп. *Оеодосія В.* (11 ч.), въ его бывшей лаврѣ,—преп. *Евѣргмія В.* (20 ч.), въ его бывшей лаврѣ, и св. *Ксенофонта* и дружины его (26 ч.), въ лаврѣ св. Саввы ¹⁾. Изъ всѣхъ этихъ, и многихъ другихъ,

¹⁾ Если къ этимъ святымъ палестинскимъ мы причислимъ еще постоивавшихъ Иерусалимъ: св. *Василія В.* (1 ч.), св. *Аполлинарію* (5 ч.), св. *Аванасія В.* (18 ч.), св. *Григорія Богослова* (25 ч.) и св. *Іоанна безсребренника* (30 ч.), да еще помѣщаемыхъ въ «Мученикословѣ римскомъ» св. *Іоанна* (12 ч.), *Публія* (21) и *Матвія* (30 ч.), патриарховъ іерусалимскихъ (о которыхъ православный календарь вовсе не упоминаетъ), и св. *Павлу* съ дочерію *Евстохією*—виолеемскихъ (27 ч.), то почти полмѣсяца, живя здѣсь, мы можемъ праздновать свои мѣстные праздники. Не говорю уже о днѣ поклоненія веригамъ св. апостола *Петра* (16 ч.), о днѣ обращенія св. апостола *Павла* (25 ч.), о днѣ 70 *апостоловъ* (4 ч.), о праздниѣхъ *Предтечи* (7 ч.) и пр. Всѣ эти воспоминанія принадлежатъ также св. землѣ.

монастырей Палестины уцѣляль до нашихъ дней только одинъ,—св. Саввы, доступъ въ который (однимъ мужчинамъ) и удобенъ и, въ настоящее время, почти совершенно безопасенъ¹⁾. Поклонники наши ходятъ туда изъ Іерусалима во всякое время, часто—безъ провожатаго и даже—по одиночкѣ. Разстояніе между Іерусалимомъ и лаврою полагается въ три часа пути, и будетъ слѣдовательно отъ 12 до 15 верстъ. Здѣсь-то намъ и удалось провести вчерашній день. Лавра чтить этотъ день праздничнымъ богослуженіемъ. По ея преданіямъ и указаніямъ, святые *Ксенофонтъ* и дѣти его *Аркадій* и *Іоаннъ* жили затворниками въ пещерахъ, окружающихъ лавру, и ихъ нетлѣнныя главы доселѣ сохраняются въ ризницѣ монастыря какъ святыня, чествуемая и покланяемая усердными христіанами. Поводъ быть тамъ представлялся самъ собою, но одинъ изъ общества нашего имѣлъ еще и другой поводъ помолиться на мѣстахъ, освященныхъ подвигами угодниковъ Божіихъ. Его влекло туда имя преп. *Маріи*, мужемудренной супруги и благочадной матери, тезоименницы и его матери.

24 числа взято было у патріарха благословеніе на путь. Узнавъ о нашемъ намѣреніи, его блаженство захотѣлъ и самъ быть на праздникѣ. Онъ сказалъ, что или въ тотъ же день вечеромъ или на завтра утромъ извѣститъ насъ, что и какъ. Предположено было отправиться изъ Іерусалима 25 числа, чтобы почь провести уже въ монастырѣ. Мы только что провели одинъ изъ самыхъ бурныхъ дней настоящей зимы, въ который не видѣли солнца, что составляетъ здѣсь необыкновенную рѣдкость, и рады были ясной погодѣ, установившейся еще ночью подь 24 число. Но подь вечеръ этого дня опять подулъ почти безсмѣнный сѣверозападный вѣтеръ, вспрыснув-

¹⁾ Монастыри, находящіеся въ самомъ Іерусалимѣ и ближайшей окрестности его (*Крестный, Илѣинскій, Георгіевскій*..), посѣятъ только одно имя монастырей.

пій еще разъ дождемъ библейскія горы въ теченіе ночи. Утромъ 25 числа мы увидѣли одинъ непроницаемый туманъ кругомъ себя. Непріятно было проснуться подъ такимъ предзнаменованіемъ. Сходивъ къ обѣднѣ, мы ждали, какой поворотъ приметъ погода, отъ которой зависѣло все. Часовъ около 9-ти облака перестали надвигать съ запада, и знатоки мѣстныхъ климатическихъ условій ободряли насъ увѣреніемъ, что за Силоамомъ мы встрѣтимъ лѣтнюю погоду. Почти современно съ этимъ, патріаршій іеродіаконъ извѣстилъ нашу миссію, что блаженнѣйшій въ 6 часовъ дня (по восточному счету, по нашему около полудня) садится на лошадь и ѣдетъ, и что, кому угодно сопровождать его, да будетъ готовъ. У насъ уже положено было идти пѣшкомъ въ лавру, по примѣру древнихъ пустынниковъ, и потому мы, поблагодаривъ патріарха за честь, предложенную намъ, просили его благословить пѣшеходовъ.

Намъ предстояло проходить сперва долиною *Гинномъ* или зловѣщею *Геенною*, потомъ долиною *Іосафатовою* или юдолю *плача*, не менѣе злоименною, и потокомъ *Кедрскимъ*, вызывающимъ также на плачь, до дебри *огненной*, при которой стоитъ обитель. Какія все имена! Не только пѣшему, но и босому можно было идти путемъ этимъ тому, кто сотни и тысячи верстъ идетъ по не замѣчательнымъ ничѣмъ, неисчислимымъ пространствамъ широкой Россіи. Къ двумъ часамъ мы уже стояли у большихъ дверей дома миссіи, кто съ сумкою, кто съ зонтикомъ, а кто и съ однимъ батошкой, ожидая вожатаго своего малаго каравана. Въ условленную минуту двинулись съ мѣста. Кто былъ въ Іерусалимѣ, тотъ съ удовольствіемъ, надѣюсь, послѣдуетъ мысленно за нами. Вотъ она, сто разъ исхоженная, пристѣнная, *московская* (т. е. русская, отъ *московѣ*—Россія) улица, начинающаяся у самыхъ воротъ построекъ нашихъ и оканчивающаяся у воротъ яфскихъ,

домъ *Берихема* (Берехейма), лавочка *Абрама Семеновича* (Абрамсона), безносый полуголый мальчикъ съ жестяною, почти совсѣмъ голый дрожащій старикъ съ такою же посудиной, упорно отрѣвующій отъ себя всякую мысль объ одеждѣ уже столько лѣтъ, и наконецъ—цѣлый рядъ прокаженныхъ, сияющихъ свои заученныя слова: *хорошъ и здравствуй*. Русское милосердіе собрало сюда беспомощныхъ бѣдняковъ и держать ихъ тутъ во всякое время дня и года. Прошедши сплошную постройку невзрачныхъ заведеній пекарни, токарни, кофейни и пр. до самой таможенной сторожки, смотрящейся прямо въ яфскія ворота, мы достигаемъ площадки, на которой по утрамъ бываетъ продажа съѣстныхъ припасовъ, читаются правительственныя объявленія и совершаются публичныя казни. Вся эта улица со всѣми постройками и площадью находится на наносной или, точнѣе, выносной землѣ, въ теченіе многихъ вѣковъ выбрасываемой сюда изъ города. Въ стародавнее время, какъ надобно думать, былъ здѣсь обрывъ, и въ городскія ворота поднимались по наклонной насыпи или прямо по лѣстницѣ. Мы оставили ворота влѣво, и спустились съ насыпи въ долину *сыновъ* нѣкоего безвѣстнаго *Гиннома*, и нѣсколько минутъ шли по знакомой всѣмъ «Сіонской дорожкѣ», а потомъ, и ее оставивъ также влѣво вмѣстѣ съ городскими стѣнами и высящимся за ними замкомъ или *домомъ Давидовымъ*, стали огнбать Сіонъ косою тропинкою, все болѣе и болѣе спускаясь въ юдоль, усаженную маслинами противоположную высоту которой занимали поочередно садъ именуемый *Пикифѳорія*, домъ одного вилекемита съ подземною церковію *св. безсребренниковъ*, *Монтсфѳорова* богадѣльня для евреевъ съ высокимъ коническимъ столпомъ принадлежащей ей мельницы.. Мимо всѣхъ этихъ мѣстъ изгибалась и бѣжала на югъ Вилекемская или Хевронская дорога.. Кому не памятно все это? И кто не вздохнетъ, вспомнивъ, что и онъ нѣкогда

подобно намъ, шель или стоять тутъ и называть блаженными
очи, видѣвшія то, что мы теперь видимъ?

Спускаемся. Стезя стропотная, и нужно не разсѣянно ~~смотреть себя~~ подѣ ноги. Выше насъ,halb, примкнула къ ~~Сіону протестантская~~ школа для мальчиковъ, предназначавшаяся сперва для окрещенныхъ евреевъ и, за недостаткомъ ихъ, теперь ловящая всякаго, у кого нѣтъ угда и хлѣба.. Прямо подѣ нею въ руслѣ юдоли видны очертанія огромнаго четвероугольнаго водоема, относимаго еще ко временамъ Давида и Соломона. Въ наиболѣе низменной части его стоить зеленая лужа воды, высыхающей совершенно по минованіи дождливаго времени. Обѣ поперечныя стѣны водоема служатъ переходомъ съ Савинской дороги на Вилесмскую, и по стѣврной изъ нихъ тянется водопроводъ, несущій въ Іерусалимъ воду изъ отдаленныхъ прудовъ Соломоновыхъ. Вмѣстѣ съ юдолю поворачиваемъ на востокъ. Сіонъ кажется отсюда дѣйствительно горою крутою и высокою. Таковъ онъ былъ когда-то и со стороны города. Давиду стоило не малаго труда отнять его у евреевъ, обратившихъ его въ крѣпость. Такою же неприступною крѣпостію онъ былъ и въ іудейскую войну. Тамъ отъ дней Давида былъ дворецъ царей іудейскихъ и кругомъ его, конечно, все, что было самаго живущаго въ царствѣ. Теперь тамъ кладбище. Противоположный Сіону берегъ юдоли также имѣетъ видъ горы, зовомой теперь горою злаго совѣта, отъ предположительно бывшаго на томъ мѣстѣ совѣщанія тайнаго врага Христова съ отъявленными врагами предаемаго Учителя. Страшное имя *Іуды* съ страшною памятію села крове, непривѣтливой мѣстностію и множествомъ могильныхъ пенцерь древнѣйшаго времени, несутъ съ того берега на душу тоже какъ-бы страхъ, и уже несомнѣнно—уныніе. Дѣйствительно, это одна изъ наименѣе радующихъ окрестностей Іерусалима. Я увѣренъ, что ночью тутъ не придетъ охота остаться никому, бромѣ отшельниковъ и разбойниковъ.

Подъ такими печальными впечатлѣніями продолжаемъ спускаться въ Геенну, но не огненную, а напротивъ—распространяющую кругомъ себя влагу и прохладу. Замыкаемая съ одной стороны высотами Іерусалима, съ другой такими же горы злосовѣтной, злоименная юдоль съ третьей (восточной) стороны стережется тоже неблагозвучною и неблаговидною горою *Соблазна*, составляющею продолженіе св. горы *Масличной*. Вдоль этихъ горъ тянется юдоль Іосафатова: Совпавши здѣсь съ юдолью Геенскою, она образуетъ довольно широкую площадь съ мягкою почвою, покрытою яркою зеленью. Мы находимся на мѣстѣ, гдѣ въ давнія времена былъ рай Іерусалима. Сюда множество вѣковъ высылалъ Іерусалимъ своихъ, тѣснимыхъ и удушаемыхъ на верху, жителей на прохладу, на чистый воздухъ, прогулку и всякаго рода развлеченія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на преступное служеніе языческимъ божествамъ. Здѣсь завязывались или развивались большою частію конечно семейныя, общественныя и всенародныя бытодѣянія Іерусалима. Весь скать *Сіона* и *Офеля* кипѣлъ тогда безъ сомнѣнія народомъ, а на склонѣ блазненной горы слышались музыка, пѣсни, рукоплесканія, видѣлись пляски, возносились куренія! Только гора, тогда еще благосовѣтная, своими неслетными гробами конечно не переставала говорить въ слухъ безпечальной удали свое: *memento mori*. Но кто ее слушалъ? Напротивъ, не въ виду ли ся упоенное духомъ блазненнымъ нечестіе представило міру невиданное зрѣлище распиливаемого деревяной пилою пророка-обличителя? Вода есть жизнь, говорятъ на Востокѣ (т. е. вѣрнѣе на Югѣ—отъ насъ, въ странахъ знойныхъ). Выраженіе это во всей полнотѣ и силѣ примѣняется и къ Іерусалиму. Единственная вода живая въ этой сухой мѣстности, какъ прежде такъ и теперь, есть все тотъ же памятный источникъ *силоамскій*. Пробивающаяся въ немъ изъ-подъ земли, водная жила начинаетъ говорить о

себѣ гораздо прежде, въ такъ называемомъ *источникъ дѣвы*, и равномерно проявляетъ себя ниже его, въ такъ называемомъ *колодцѣ Іоавы* или *Іова*. По крайней мѣрѣ такъ течетъ она теперь. Славу Силоамскаго ключа перенялъ теперь Іоавовъ. Онъ находится посрединѣ долины Геенно-кедровской, и въ настоящее время имѣетъ особенное народное значеніе. Обыкновенно онъ стоитъ безъ воды. Но послѣ многихъ и большихъ дождей, вода вдругъ не только наполняетъ его пріемники, но и переливается черезъ нихъ. Народъ привыкъ считать подобное обстоятельство вѣрнымъ знакомъ имѣющаго быть урожая, и встрѣчаетъ его потому всякій разъ искреннимъ и шумнымъ праздникомъ. Случай такого рода былъ передъ нами. Настоящій годъ вышелъ однимъ изъ самыхъ дождливыхъ; «Іоавъ» естественно долженъ былъ представить въ себѣ желанное народу зрѣлище многоводья, и онъ не замедлилъ сдѣлать это дня два тому назадъ. Проходя мимо его, мы любовались весельемъ народнымъ, тихимъ и невиннымъ, не напоминавшимъ ни одною чертою своею неистовыхъ празднествъ Молоховыхъ, когда-то осквернявшихъ мѣста эти. Толпы народа всякихъ вѣръ и народностей гуляли по сторонамъ двухъ развалившихся небольшихъ построекъ Іоавова колодца, переполненнаго водою, текшею обильнымъ потокомъ позади нихъ по зеленой полянѣ. Услужливые и смѣтливые каведжи (продавцы кофе) пріютились тутъ же съ своимъ торговымъ скарбомъ, и собирали посильную жатву барыша съ праздновавшихъ праздникъ половодья. Потокъ бѣжалъ про-между маслинъ, иногда раздѣляясь на нѣсколько рукавовъ и образуя малые островки. Было весело смотрѣть на эту совершенно лѣтнюю картину, и думать, что тамъ гдѣ-то за горами и за морями стоятъ «плящіе» морозы, гонящіе людей отъ снѣжныхъ сугробовъ въ тѣсноту, темноту и духоту теплой избы. Гдѣ зелень? Гдѣ лужайка? Гдѣ кроющіяся въ тѣни маслинъ отъ

январскаго солнца, семейства? Все это *тамъ* заключается въ однихъ мечтахъ о красномъ лѣтѣ, когда-то и для когото имѣющемъ наступить..

Съ полчаса мы шли по-надъ *потокомъ Кедрскимъ*, слѣдуя изгибамъ долины *Кидронъ*, давшей ему свое имя, пока она не приняла почти прямо южное направленіе. Здѣсь мы оставили ее вправо, и стали подниматься косогоромъ на довольно высокій краѣъ поперечный. Ущельный вѣтеръ подгонялъ насъ сзади и заставлялъ обороняться отъ себя тѣмъ же зонтикомъ, которымъ внизу защищались отъ солнца. Когда мы поднялись на перевалъ, впереди насъ открылся видъ на другую высоту, увѣчанную въ своей высшей точкѣ развалинами. Это были остатки знаменитой лавры *Θεοδοσία великаго*. Посидѣвъ ради отдыха минуты двѣ-три на камнѣ, мы начали спускаться въ другую юдоль, и около $\frac{3}{4}$ часа шли ею, пока поравнялись съ *Θεοδοсіевою* горою, которой нижнія части закрывали собою отъ насъ верхушку. По спѣшности пути, мы отложили намѣреніе посѣтить бывшій монастырь до другаго времени. Тутъ полагается половина дороги отъ Іерусалима до *Μαρτῆ Σαβᾶ* (св. Савва). Кругомъ глухая пустыня, каменистая, сухая, безлѣсная, теперь впрочемъ отъ зимнихъ дождей зеленѣвшая кое какимъ быліемъ тощимъ и колючимъ, но дѣломъ совершенно голая и безжизненная. И чѣмъ далѣе проникаетъ ее взоръ, тѣмъ печальнѣе дѣлается видъ ея. Изъ-за первыхъ высотъ выставляются верхи дальнѣйшихъ горъ уже совершенно обнаженные, желто-сѣраго и даже пепельнаго цвѣта. Облака дѣйствительно оставили насъ за Силомомъ, и надъ головой, въ рамѣ боковыхъ высотъ, видѣлась одна чистѣйшая лазурь неба. Отъ солнца опять впору было защищаться, хотя оно стояло позади насъ. Мы вышли на оставленную подъ Іерусалимомъ юдоль кедрскую, но воды болѣе уже не видѣли въ сухомъ и заволоченномъ камнями

потокѣ. Юдоль сжималась. Боковыя высоты все болѣе и болѣе выступали на дорогу. Цвѣтъ ихъ изъ сѣраго переходилъ въ бѣлый. Вотъ, при поворотѣ, открылись какъ бы двѣ отвѣсныя стѣны съ обѣихъ сторонъ дороги. Это было предисловіемъ къ великой «дебри отшельниковъ». Переговоривши все, что внушали мѣсто и время, мечта и память, словоохотливые путники задались не легкимъ вопросомъ: когда произошли такія ужасныя горныя трещины, при сотвореніи ли міра или во время потопа? Не могли остановиться на чемънибудь одномъ, обратились за рѣшеніемъ къ шедшему впереди авторитету. Авторитетъ отвѣчалъ коротко и ясно: не знаю. Успокоившись на семъ относительно космогоническихъ теорій, перешли къ менѣе трудному и болѣе близкому вопросу: будетъ ли сегодня всеночная въ монастырѣ или нѣтъ? Но и на этотъ, весьма немудреный, вопросъ отвѣтъ послѣдовалъ все тотъ же. Мы шли, по пословицѣ, въ чужой монастырь, и своего устава не несли съ собою. Коротая время въ подобныхъ разговорахъ, мы все высматривали впереди памятной кому-то цистерны, высѣченной въ скалѣ при самой дорогѣ направо. Отъ нея оставалось только полчаса пути до лавры. Мы прошли по бывшему кочевью бедуинскому, знаменуемому множествомъ камней и однимъ надгробнымъ памятникомъ на могилѣ какого-то уважаемаго шейха или святаго. Кочевники эти, еще на памяти сверстниковъ нашихъ державшіе какъ бы въ непрерывной осадѣ монастырь, теперь превратились почти въ покорныхъ слугъ монастырскихъ, изрѣдка стужая обители просьбами о хлѣбѣ и водѣ. Рѣшительный ударъ ихъ безнаказанному самовластью нанесъ благословляемой памяти египетскій *Ибраимъ-паша*, не любившій шутить съ человѣкообразными звѣрями пустыни, и самымъ положительнымъ и чувствительнымъ образомъ внушавшій имъ понятія справедливости и человѣчности. Теперь бродячая деревня занимала

другое мѣсто въ другой изъ окрестныхъ долинъ. Племя это носитъ имя *Абедѣ*, и есть наиболѣе усмирненное изъ всѣхъ кочевниковъ страны.

Изъ-за лѣваго косогорья одна за другою выступаютъ бѣловатыя вершины горъ, кажуціяся безмѣрно высокими, и между тѣмъ съ высотъ Іерусалима зримыя въ видѣ холмовъ. Это все уже сосѣди именитой обители. Вотъ и цистерна, полная до верха и даже черезъ край мутной зеленой воды, которую будутъ теперь пить, благословляя Бога, до самой осени переходяіе насельники пустыни. Когда ее выпьютъ всю, будутъ ходить за воднымъ подаваніемъ въ пустынный городъ, т. е. въ монастырь. Живѣ пошли мы впередъ, увѣрившись, что скоро конецъ вольному труду нашему. Дѣйствительно, минутъ черезъ 20 открылось передъ нами устье разсѣлины, глубокое, мрачное, печальное и страшное. Ему предшествуетъ небольшая площадь, образуемая подошвою высокой конической горы, кажущейся какъ бы песчапою. Площадь эта въ старія времена называлась *монашескимъ торгомъ*, потому что въ опредѣленные дни на ней собиравлсь отшельники съ своимъ рукодѣльемъ и мѣняли его жителямъ Іерусалима и Вилеема на хлѣбъ и овощи. Поднимаемся на правый бокъ ущелья, и чѣмъ мы выше становимся надъ нимъ, тѣмъ поразительнѣе кажется ужасная дебрь, обставленная съ обѣихъ, а при поворотахъ и со всѣхъ, сторонъ отвѣсными стремнинами. Она неидетъ прямолинейно, а дѣлаетъ изгибы то на югъ, то на востокъ, спускаясь вмѣстѣ съ горами и со всею мѣстностію къ великой ямѣ *Мертваго моря*. Всѣ этѣ грозныя стѣны ущелья испещрены то самородными то рукодѣльными пещерками, и часто какъ бы только печурками, въ которыхъ въ былое время жили отшельники, обратившіе ужасную разсѣлину въ малое иноческое царство, коего столицею была великая лавра. Въ нее они ходили молиться по праздникамъ

*

и, можетъ быть, въ крайнемъ случаѣ питаться. Откуда и какъ были проложены пути къ этимъ недосыгаемымъ человѣческимъ гнѣздамъ, трудно дать себѣ отчетъ тому, кто смотритъ на дѣло издали. Пути конечно были, и можетъ быть болѣею частію устраивались при помощи висячихъ лѣстницъ. При кельяхъ-пещерахъ обыкновенно устраивались малые водоемы для сбора дождевой воды, о которой у отшельниковъ была первая и можетъ быть единственная забота. Въ недавнее время дорога, которою мы шли, обложена со стороны обрыва пизкою стѣнкою, чѣмъ и предотвращены случаи паденія въ пропасть. Впрочемъ нигдѣ дорога не подходитъ къ самому отвѣсу стѣны ущелья. Ужасную разсѣлину надобно представлять въ видѣ громадной щели на днѣ громаднаго жолоба, такъ что отъ вершины береговыхъ утесовъ ея до верха боковыхъ высотъ всей юдоли идетъ еще, болѣе или менѣе не ровная, покатость. По ней-то и проложена дорога, по которой мы шли. Надобно сдѣлать три поворота, пока откроется монастырь. Солнце уже зашло, и луна стояла «прямо дебри» съ противоположной намъ стороны ея. Мы чаяли увидѣть обитель гдѣ нибудь на недоступной высотѣ, а между тѣмъ бѣлый куполь церкви ея, прежде всего увидѣнный нами, выникнулъ передъ нами какъ бы изъ земли. Отъ него по косогору идетъ къ верху высокая стѣна буровато-желтаго цвѣта, оканчивающаяся грузною четырехугольною башнею того же цвѣта, называемою *Юстиніановою*. Мы подходили къ сей многовѣковой стражепищѣ беззащитныхъ воиновъ молитвы, какъ изъ глубины пропасти донесся унылый и нестройный звонъ.. Это было привѣтствіе намъ отъ пустыножителей. Башня кажется пересѣкающею и какъ бы совсѣмъ замыкающею дорогу. Она стоитъ на сѣверо-западномъ углу обители, и выдается далеко изъ стѣнъ ея къ западу. Обогнувъ эту твердыню, мы должны были спуститься въ полукруглую ямину, когда-то вѣроятно составлявшую одно

съ монастыремъ, но теперь оставшюся за стѣнами. За нею на косогорѣъ возвышается другая башня, весьма похожая на первую, но не столь красиво и прочно построенная, можетъ быть когда нибудь составлявшая другой юговосточный рогъ монастыря, но теперь одиноко и безцѣльно сиротѣющая внѣ его. Входя въ монастырь—на западной стѣнѣ его, единственно доступной, по условіямъ мѣстоположенія, ногѣ путника. Онъ состоитъ изъ двухъ малыхъ желѣзныхъ дверецъ,—верхней для скота, и нижней для людей. Переступивъ порогъ послѣдней, мы все еще должны были спускаться по лѣстницѣ, устроенной въ довольно узкомъ переходѣ, имѣя слѣва себя отвѣсную скалу, а справа высокую стѣну. Лѣстница привела къ другой дверцѣ въ сказанной стѣнѣ, выведившей на высокое крыльцо, глядѣвшее на монастырскій дворъ. Дворъ этотъ, или дворикъ, имѣетъ фигуру триугольника, замкнутого со всѣхъ сторонъ. Онъ весь устланъ каменными плитами, и накрывается собою частию природную скалу, частию подземелье, обращенное въ погребальный, склепъ. Основаніемъ триугольнику служить фасадъ соборной церкви обители, прямо противъ котораго стоитъ шестиугольная часовенка съ куполомъ. Это бывшая гробница преподобнаго Саввы. Нѣсколько вкось отъ нея на сѣверной грани триугольника небольшая дверь ведетъ въ довольно обширную подземную церковь св. *Николая*, древнѣйшую въ монастырѣ, въ которой собиралось на общую молитву первое братство обители. Теперь она имѣетъ значеніе кладбищной церкви, и оглашается божественною службою по субботамъ. На южной сторонѣ двора возвышается главный гостиный пріютъ обители. Собственно же монастырь, т. е. братскія келліи, трапезная и проч. находится къ сѣверу отъ церкви, примыкая къ ней непосредственно, и вмѣстѣ съ нею выходитъ своею, наиболѣе протяженною, линіею на отвѣсный утесъ ущелья, надъ которымъ и высится многочисленными

уступами, образуя цѣлый лабиринтъ зданій, которыхъ нѣтъ никакой возможности ни перенести на планъ, ни даже описать сколько нибудь вразумительно.

Спустившись по лѣстницѣ съ крыльца на монастырскій дворикъ, мы перваго встрѣтили самого патріарха, стоявшаго у церкви въ своей зеленой шубкѣ и черной низкой камилавкѣ, и разговаривавшаго съ какими-то мірянами по-турецки. Онъ сказалъ намъ съ легкимъ упрескомъ: «а мы вотъ только что кончили вечерню. Ждали васъ, ждали, да наконецъ и порѣшили, что вы вѣрно раздумали ѣхать сюда, а потому и начали службу все-таки двумя часами позже обыкновеннаго. Я извѣстилъ васъ, что отправляюсь въ 6 часовъ, а о васъ сказали мнѣ, что, какъ иѣшше, вы двинетесь еще ранѣе меня. Вышло не такъ». Мы сказали, что могли, въ свое оправданіе. «Да вѣдь и его вотъ тоже не пришелъ тутъ, когда пріѣхалъ: ушелъ къ св. Георгію копать свой виноградъ», прибавилъ патріархъ, кивая головою на смиреннѣйшую фигуру достойнаго пріемника св. Саввы, старца *Іоасафа*. Младенческая улыбка сіяла на сухомъ и темномъ лицѣ великаго простеца о Христѣ Иисусѣ. Что-то готовое сказаться двигалось на устахъ его, но такъ и осталось не высказаннымъ. Я смѣло могу увѣрить, что никому (постороннему) и въ голову бы не пришло, что это игуменъ (называется и архимандритомъ) лавры. Послѣдній послушникъ извѣстныхъ мнѣ монастырей держитъ себя важнѣе этого нелестнѣйшаго раба Божія.

Поклонившись гробу (пустому) преподобнаго, мы вслѣдъ за патріархомъ пошли на нижній дворикъ монастыря, прилегающій къ южной стѣнѣ церкви и усаженный немногими деревьями, осѣняющими собою малый цвѣтникъ или огородъ, что именно—не знаю. Его блаженство направлялся къ *пещерѣ св. Саввы*, занимающей самую крайнюю точку монастыря къ юговостоку. Къ ней нужно подниматься по двумъ лѣстницамъ,

и поднявшись сперва идти корридоромъ подъ навѣсомъ скалы надъ самымъ обрывомъ. Она состоитъ изъ двухъ отдѣленій, и очевидно образована самою природою. Рука человѣка только поправила ее кое-гдѣ. Вѣроятно, убогое жилище святаго мужа и доселѣ сохраняется въ томъ же видѣ, въ какомъ было при немъ. Въ той же скалѣ, по близости келіи преподобнаго, есть еще три келіи—пещеры, изъ коихъ одна представляется совершенно висящею. Въ нихъ и доселѣ живутъ любители отшельнической тѣсноты. Это наибольшій курьезъ въ лаврѣ, занимающій празднопатающихъ туристовъ. Уединенный этотъ уголокъ лавры представляется пустынею въ самой пустынѣ. Его садикъ даетъ ему заманчивость, но братія, вообще не склонны къ мечтательности, его не любятъ. Возвратившись на большой дворъ монастыря, мы разошлись по отведеннымъ намъ помѣщеніямъ и расположились къ отдыху. Уже была ночь, но ночь тихая, лунная и относительно теплая. Кто хотѣлъ, имѣлъ готовый, и не одинъ, поводъ предаться историческимъ воспоминаніямъ, богомысленному созерцанію и молитвенному воздыханію. Но насъ ждала еще уставная молитва, и потому наибольшая часть была склонявшихся къ одному сонливому забытью. Зная, какъ трудно ободриться попустивъ себѣ временно заснуть, я вышелъ изъ комнаты, и пожелалъ видѣть другой туристическій курьезъ лавры—лисицъ, собирающихся, какъ говорятъ, по вечерамъ цѣлыми десятками со всего ущелья подъ стѣны лавры въ сухомъ ручьѣ потока за подачкою хлѣба, который бросаютъ имъ сверху щедрою рукою пустыnnики. И точно, я видѣлъ этихъ четырехногихъ бедуиновъ, и самъ бросалъ имъ хлѣбъ, съ замирающимъ сердцемъ слѣдя взоромъ за падающимъ въ пропасть кускомъ. Животное представляется сверху муравьемъ, быстро несущимся къ падающей поживѣ и еще быстрее убѣгающимъ съ нею на верхъ горы съ свою язвину. Я сказалъ бы при семъ вмѣстѣ съ «лордами»,

что это одно изъ невинныхъ развлеченій анахоретовъ, лишенныхъ возможности чѣмъ нибудь занять себя, если бы не знали, что наивные старцы не могутъ надивиться тому, какъ это лисицы могутъ занимать собою такой умный и солидный народъ, какъ путешественники, обвѣшанные разными книгами и инструментами и считающіе время драгоцѣннѣйшею вещью на свѣтѣ.. Но оставимъ разные взгляды на жизнь и ея утѣшенія, которыхъ перемѣнить не можно и перемѣнять не стоитъ. Туристъ никогда не пойметъ затворника, а затворникъ всегда будетъ жалѣть о туристѣ и его пропадающемъ времени.

Отъ 7 до 8 часовъ продолжалась въ соборномъ храмѣ (во имя Благовѣщенія—при преп. Саввѣ, и въ его собственное имя—послѣ него) наша русская вечерня. Храмъ этотъ несомнѣнно стросенъ самимъ св. Саввою, но насколько въ нынѣшнемъ зданіи можно усматривать первоначальное строеніе, это весьма трудно рѣшить. Угловатыя арки сводовъ его говорятъ объ эпохѣ послѣ-византійской.. Онъ довольно обширенъ для братства въ 60 человекъ, каково нынѣшнее, но былъ бы совершенно не пригоденъ для населенія лавры первыхъ вѣковъ бытія ея. Его украшаетъ большой осмиоконный куполь, не покрытый сверху ни металлическою ни черепичною крышею, и не украшенный ничѣмъ извнутри. Стѣны храма были нѣкогда украшены иконописью, но теперь отъ стараго письма осталось только 5—6 мучениковъ на южной стѣнѣ около патріаршей каедрѣ. Въ замѣнъ прежнихъ иконъ подѣлано нѣсколько новыхъ довольно простой кисти, сажени на полторы отъ пола по обѣимъ стѣнамъ. Все же, выше сей линіи, пространство остается бѣлымъ или, лучше, сѣрымъ отъ времени, дыма и по мѣстамъ течи. Знаменитое мѣсто ждетъ руки инокъ художника, но только не іерусалимской самоучной школы, прославившейся на весь свѣтъ уродствомъ своихъ произведеній. Иконостасъ въ новомъ греческомъ вкусѣ, съ

золотыми украшениями по зеленому полю, перенесенъ сюда изъ вилеевской великой церкви, откуда онъ разъ былъ выброшенъ не то латинами, не то армянами, не припомню хорошо, во время завладѣнія ими тамошней святыней. Нанесенныя ему при семъ подвигѣ фанатизма, увѣчья отцы охотно показываютъ любопытствующимъ. Есть въ немъ значительное число иконъ русскаго письма первой четверти ¹⁾ текущаго столѣтія, какъ показалось мнѣ. Сіе-то невипное иконописаніе *русское* лѣтъ 10 назадъ тому подвигло на гнѣвъ и даже ярость одного юнаго аѳинянина, пивочтоже ино упражняющагося, развѣ глаголати что или слышати новое ²⁾. Кромѣ иконъ, есть въ церкви довольно и другихъ вещей русскаго происхожденія. Но все же ихъ меньше, нежели сколько можно-бъ было ожидать. Палестинская лавра такъ близка Россіи по старой па-

¹⁾ Въ паперти съ лѣвой стороны входной двери есть и новѣйшая русская икона, изображающая св. Савву во весь ростъ. Она весьма удачнаго выполненія. Иконописецъ извѣстенъ Россіи и какъ писатель, и какъ архіерей, и какъ строгій подвижникъ.

²⁾ Вотъ его, памятная мнѣ еще и до сихъ поръ, ходульная рѣчь: «Въ иконостаѣ видятъ на иконахъ русскія буквы. Такимъ образомъ ежедневно, по всему востоку, древніе памятники эллинскаго преданія смѣшнымъ образомъ переодѣваются, какъ на масленицѣ, въ славянскія. Конечно, нелѣпости этой не могло бы быть, если бы православный восточный клиръ имѣлъ болѣе глубокое (т. е. совершенно *мѣлое* въ церковномъ смыслѣ, а именно—эллинское) сознаніе своего достоинства...» и прочіе безумные глаголы. Пишетъ далѣе озлобленный патріотъ, что, на его укорительныя замѣчанія о русскихъ бѣдахъ, одинъ монахъ отвѣтилъ ему: «чтожъ такое? Развѣ русскіе не греки?». Я не былъ конечно тогда въ монастырѣ св. Саввы и не слышалъ разговора юноши со старцемъ, но совершенно могу увѣрить, что монахъ сказалъ иное, а именно: «чтожъ такое? Развѣ русскіе не православные?» Но знаменитый туристъ, подобно множеству своихъ соотечественниковъ, видно считаетъ слова: *грекъ* и *христианинъ* за одно и тоже. Покойный преосв. Күрилъ, къ которому завзятый элликъ относился какъ истый руссофилъ, не замедлилъ въ свое время потребовать отчета отъ двоедушнаго Аѳиня. «Многоспособный» Одиссей налѣго времени не нашелъ ничего сказать въ защиту свою кромѣ ссылки на панславизмъ.. (См. 'Ανατολικαὶ Ἐπιστολαί. 1859. Аѳины).

мати, что можетъ считаться какъ бы своею ей. Во все время богослуженія нашего стояли открыто передъ иконостасомъ на столѣхъ въ сребропозлащенномъ ковчегѣ главы св. *Ксенофонта*, *Аркадія* и *Іоанна*, изъ коихъ одна такъ мала, что какъ будто принадлежала младенцу, а не возрастному человѣку. Мнѣ объясняли, что это только небольшая часть черепа.

По окончаніи службы, насъ повели въ трапезу. Братскій ужинъ былъ ранѣе нашего. Насъ угостили сыромъ, похлебкою, кашею, личицей и апельсинами. Ни водки ни вина не было подано. Первой, какъ увѣряютъ, не бываетъ никогда на столѣ братскомъ. Второе появляется весьма рѣдко. Монастырь своихъ средствъ не имѣетъ. Снабжающая его стѣстными припасами патріархія, разумѣется, паходитъ возможнымъ обходиться ему и безъ этого утѣшенія, какъ давно уже обходится сама. Не смотря на вечернюю трапезу, мы все-таки утѣшили себя, по русскому обычаю или нраву, горячимъ чаемъ, послѣ чего расположились уже на короткій ночлегъ. Было около 9 часовъ вечера. А въ 9 часовъ по восточному счету должна была начаться утренняя. Разница между двумя времясчисленіями обыкновенно полагается въ 6 часовъ. Слѣдовательно столько именно времени имѣли и мы для своего отдыха. Довольно казись бы. Но не должно забывать, что мы были въ чужомъ мѣстѣ, что комната не была нагрѣта ничѣмъ, кромѣ пара самоварнаго, и что посерединѣ ея висѣлъ, спускающійся изъ свода, неугасимый фонарь съ количествомъ свѣта, достаточнымъ для того, чтобы не заснуть скоро или и совсѣмъ. Но самое важное, мѣшающее сну, обстоятельство было впереди. Чуть мы сомкнули, казалось намъ, глаза, какъ раздался звонъ колокола. Такъ какъ онъ былъ очень коротокъ, то мы и сочли его не относящимся къ утренѣ. Черезъ полчаса звонъ повторился и былъ продолжительнѣе перваго. Посмотрѣвъ на часы, мы увидѣли только съ небольшимъ полночь. Тяжело было это

безвременное пробужденіе и многоаго усилія стоило, чтобы опять забыться. Но чуть это было достигнуто, другой, часовой, колоколъ пробилъ 8 разъ, точно сказавъ намъ извѣстное: баринъ, спите скорѣй; ибо скоро вставать. И точно, черезъ полчаса опять прозвенѣлъ нѣсколько разъ колоколъ, а еще черезъ полчаса началось колотаніе въ било, что собственно и было истиннымъ благовѣстомъ къ заутренѣ. Послѣ мы узнали, что первый полночный звонъ былъ повѣсткою братіямъ, чтобы они проснулись и приготовились со вторымъ звономъ идти въ пекарню мѣсить хлѣбы. Третій звонъ имѣлъ тоже значеніе повѣстки вставать и быть готовымъ, по послѣднему звону, идти въ церковь. Когда игумену дѣлали замѣчаніе, что можно бы изобресть какой нибудь способъ будить въ полночь только тѣхъ, кому дѣйствительно нужно вставать, а прочіе бы спали, то онъ сказалъ, что почти *всѣмъ* приходится вставать не на ту такъ на другую работу.

Я пришелъ въ церковь какъ разъ къ приходу патріарха. Его блаженство, говорятъ, никогда еще не заставлялъ себя дожидаться. Пойти поскорѣе въ церковь и простоять тамъ 7 часовъ составляетъ наслажденіе для старца. Ни будильника ни колокола ему не нужно. Урочный часъ будить его самъ собою. Такъ и теперь онъ пришелъ на утреню одинъ изъ первыхъ. Приложившись къ св. мощамъ, онъ сталъ въ одномъ изъ *стасидъ* (формъ) возлѣ патріаршей каѳедры, тамъ, гдѣ обыкновенно становится чтець или пѣвецъ. Съ противоположной стороны, прямо противъ него, сталъ о. Іоасафъ. Эти два почетнѣйшія лица іерусалимской іерархіи въ теченіе всей утрени каждый на своемъ мѣстѣ, какъ бы клиросѣ, замѣняли собою нашихъ дьячка и пономаря. Патріархъ самъ началъ читать полунощницу. Въ чтеніи 17 каѳизмы однако же замѣнили его одинъ изъ его іеродиаконовъ. По окончаніи полунощницы, блаженнѣйшій пѣвецъ пѣлъ литійныя стихиры пре-

подобнымъ по особенной рукописной службѣ имѣ. Литія хотя отправлена была вчера на вечернѣ, но стихиры на стиховнѣ тогда не были пѣты. Ихъ обыкновенно оставляютъ здѣсь на утреню. По окончаніи пѣнія, повторена была самимъ патріархомъ молитва: *Владыко Вседержителю* и пр. За тѣмъ пѣть былъ тропарь преподобнымъ, и послѣ него былъ отпустъ полунощницы.

Непосредственно за полунощницею слѣдовала утренняя по уставному чину. Патріархъ читалъ шестопсалміе, а нашъ архимандритъ каѳизмы. Полудней состоялъ изъ чтенія избраннаго псалма безъ припѣвовъ: *Величаемъ* или *Ублажаемъ*.., вообще неизвѣстныхъ на востокѣ, изъ пѣнія *степенныхъ* 4 гласа и чтенія евангелія въ алтарѣ. Вообще никакого исхожденія ни на средину церкви ни къ св. мощамъ не было, ни кажденія, ни помазанія елеемъ,—ничего, чѣмъ сопровождается у насъ *полудней*. Канонъ весь пѣли съ ирмосами и тропарями попеременно то патріархъ то игуменъ. Хотя мы и не разумѣли поемаго, тѣмъ не менѣе умилялись душою отъ такого зрѣлища такихъ пѣвцовъ. Во время чтенія Синаксаря по 6-й пѣсни нашъ архимандритъ съ 4-мя іеромонахами взяли благословеніе у патріарха, и читали входныя молитвы. Въ это время уже начинало брезжиться, какъ говорятъ у насъ на сѣверѣ. Я снова имѣлъ самый наглядный случай возвратиться къ своему давнему убѣжденію, что въ древнѣйшей практикѣ церковной время пѣнія 7-й пѣсни, или пѣсни отроковъ, совпадало съ началомъ свѣтанія или «съ зарею», какъ говоримъ мы, чему живымъ свидѣтельствомъ и подтвержденіемъ служить приуроченный къ сей пѣсни *кондакъ*. Кто внимательнѣе присматривался къ сему краткому пѣспосложенію, тотъ не могъ не замѣтить, что въ большей части дошедшихъ до насъ кондаковъ есть намекъ на зарю, на сіяніе, на просвѣщеніе.. Когда священникъ возгласилъ: *слава тебѣ, показавшему намъ*

свѣтъ, въ окнахъ храма, обращенныхъ къ востоку, дѣйстви-
тельно было уже свѣтло.. И не даромъ конечно слагатели
перваго христіанскаго славословія великаго закончили его
стихомъ: *во свѣтъ твоемъ узримъ свѣтъ*.. Какъ легко изу-
чать церковь на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она зачалась, родилась
и возрасла!

Чего желалось, то и случилось. Желалось, чтобы въ
лаврѣ св. Саввы, откуда вышелъ нашъ *уставъ церковный*, не
было ничего совершенно вопреки уставу, чтобы напр. конецъ
утрени не отсѣкался, и часы не были опущены, какъ это
обыкновенно водится на востокѣ. Точно, и утренняя имѣла свой
уставный отпустъ, и часы были прочитаны. Съ конца утрени
началась уже непрерывавшаяся русская служба. Пѣли пѣвчіе
нашей миссіи. Патріархъ только благословлялъ по временамъ,
стоя тамъ же, гдѣ причетничалъ за утреней. На его долю
досталось только прочесть Символь вѣры и молитву Господню.
Впрочемъ эктении и возгласы часто слышались и греческіе.
Наши пѣвчіе также свободно пѣли и *киріе элейсонъ* и *парѣсху*
киріе. Даже херувимскую пѣснь пропѣли по-гречески. Въ
восторгѣ отъ этого пѣнія были два наши русскіе саввайта,
глубокіе старики, одинъ съ Дона, другой, кажется, изъ Бесса-
рабіи. Въ большую рѣдкость приходится имъ имѣть такое
утѣшеніе. Ихъ восхищеніе восхищало насъ ¹⁾. Послѣ литур-

¹⁾ «Да вы бы сами тутъ пѣли и читали по своему», говорили мы имъ
послѣ службы.—А что зачитаешь, когда ничего не знаешь? отвѣчалъ донецъ.
Уже и чтѣ знали, давно позабыли. Отъ старости, что ли, память совсѣмъ от-
шибло!—Отшибло совсѣмъ память, подтвердилъ товарищъ.. Тронула насъ вели-
кая простота соотчичей. Хорошо хотя, что ихъ двое, и живутъ келья о келью.
Есть съ кѣмъ переброситься словомъ. Кромѣ ихъ, въ числѣ братства есть еще
два-три болгарина, одинъ грузинецъ и одинъ малозійскій грекъ, ни слова не
разумѣющій по-гречески, и со всѣми разговаривающій по-турецки, нисколько не
заботясь о томъ, понимаетъ ли его кто или нѣтъ. Былъ еще недавно, говорятъ,
и православный абиссинецъ (кажется тутъ же въ лаврѣ перекрещенный), но
миѣ его не удалось видѣть.

гій, патріархъ раздалъ братству и пришельцамъ антидоръ. Наша миссія еще отслужила молебень преподобнымъ передъ ихъ нетлѣнными мощами. Молились о здѣ предстоящихъ и сущихъ далече.. Патріархъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на наше моленіе. У грековъ подобныхъ богослуженій не водится. Имъ извѣстенъ одинъ только молебень (параклисъ) Богоматери.

Когда все было кончено, въ сѣверномъ притворѣ церкви сѣли по пристѣннымъ каменнымъ лавкамъ, чинъ по чину, патріархъ, нашъ архимандритъ, о. игумень, іеромонахъ миссіи и т. д. Келарь сталъ подносить всѣмъ по малой рюмкѣ водки, кренделю и куску *баклавы* (слоеный пирогъ съ медомъ и насыпкою изъ толченаго орѣха) и по чашкѣ кофе. Ни до чего патріархъ не коснулся, но высиждѣлъ терпѣливо все время угощительной церемоніи. Это угощеніе имѣетъ нѣкоторую оффиціальность, и бываетъ всякій разъ, какъ совершается въ храмѣ божественная литургія. Но обыкновенно оно состоитъ изъ куска хлѣба и чашки кофе. Сегодня же было «утѣшеніе веліе». По положенію, въ этотъ день, какъ и въ праздники св. Саввы и Іоанна Дамаскина, раздаются братіямъ *лукмады* (варенныя въ маслѣ алады), но такъ какъ гости привезли вчера съ собою цѣлое ведро баклавы, то оказалась возможность сдѣлать малую икономію.

Братія разошлись по келіямъ, а мы отправились въ церковь св. Іоанна «златоточнаго, сладкоглаголиваго, добротѣшеннаго»..., устроенную при келіи великаго учителя церкви, отслужить и ему молебень. Краткіе и сжатые тропари канона его слышались внятно и падали на сердце. Служеніе заключено было пѣніемъ одной изъ *степеней*, излившихся изъ устъ вдохновеннаго пѣснописца. Къ нашей молитвѣ незамѣтно подошелъ и патріархъ, умиленно слушавшій насъ у гробницы святаго, стоящей въ западной части церкви. Позади ся, въ западной стѣнѣ, есть заставленное рѣшеткою отверстіе въ

нещору, служившую мѣстопробываніемъ знаменитому подвижнику, богослову, философу, историкѣ, ритору, математику, иѣвцу, грамматику и политику. Въ человѣкѣ этомъ сосредоточена была вся энциклопедія знанія его времени. А его, извѣстное всѣмъ и до слезъ трогающее, неподражаемое смиреніе не говоритъ ли, что въ немъ избыточествовала и вся энциклопедія духовной жизни? А изумляющее чудо съ его рукою, что это, какъ не свѣтлѣйшій вѣнецъ его и мысли и жизни, и слова и дѣла, и временнаго подвига и вѣчнаго покоя? Молитва наша вся была чувство и сочувствіе. И мнѣ кажется, невозможно войти въ эту тихую обитель—церковь, и не охватиться духомъ умиленія, присно дышавшимъ въ Іоаннѣ. Благостному впечатлѣнію не мало помогаетъ теперь и обстановка бывшей келліи *своего* всѣмъ человѣка. Она находится почти на самой высшей точкѣ монастыря, чиста, уютна, полна свѣта, и имѣетъ выходъ въ садикъ съ цвѣтникомъ. Точно, это она сама,—свѣтлая, чистая, благая, благоуханная, возвышенная душа несравненнаго священнопѣвца! Мы вышли за патріархомъ въ садикъ. Онъ нарвалъ намъ цвѣтовъ «на память вѣчно цвѣтущей поэзіи Дамаскина». Въ своей зеленой шубкѣ съ румянымъ лицомъ и сѣдыми до желтизны волосами, малый и подвижный, онъ самъ казался мнѣ цвѣткомъ особой флоры,—экземпляромъ рѣдкимъ и уже готовымъ украсить собою священный гербарій церкви Божіей. Его блаженство спросить: теперь куда? *вверхъ* или *внизъ*? Первое значило подниматься еще до Юстиніановой башни, второе—спуститься изъ монастыря въ русло потока. Кто-то сказалъ ни къ селу ни къ городу, что насъ ждетъ самоваръ.. Всѣ такимъ образомъ взяли третье направленіе. Патріархъ отправился въ келлію, отведенную нашему архимандриту, выпилъ тамъ чашку горячаго молока и, поздравивъ его съ именинницей, пожелалъ ей много лѣтъ, благословивъ ея фотографическій портретъ.

Тутъ же на полу сидѣлъ игуменъ лавры и пилъ «по приказанію» вторую чашку чая. Указывая на него, патріархъ сказалъ: вотъ его хочу на время в. поста вызвать на-верхъ (въ Іерусалимъ) и сдѣлать духовникомъ въ замѣнъ блаженной памяти Петрскаго.—Уже сдѣлайте его, блаженнѣйшій, за одно и «святѣмъ Петромъ», прибавилъ кто-то, увлекшись примѣромъ довѣрчивости патріарха.. Надобно было видѣть всю силу отрицанія такой чести, отразившуюся въ слезящихся глазахъ пустытника! Даже благая улыбка, озаряющая почти постоянно лице его, исчезла на этотъ разъ.

Послѣ чая, всѣ, сколько насъ было пришедшихъ на праздникъ, отправились обозрѣвать прилежащую лаврѣ пустыню, т. е. избрали упомянутый выше путь *внизъ*. Прошедши нѣсколько лѣстницъ, спустились въ пекарню—самое низшее изъ всѣхъ помѣщеній монастырскихъ, темное и весьма невзрачное. Точно такими же кажутся и производимые сею убогою и немногосложною фабрикою предметы. Хлѣбъ Саввинскій, хотя и пшеничный, чернѣе нашего ржаного хлѣба, тяжелъ, рассыпчивъ, скоро черствѣетъ и, сочерствѣвши, не подается ни на какой зубъ,—впрочемъ питателенъ и, мягкій, даже вкусенъ. Изъ пекарни черезъ малую и крѣпкую дверцу спускаются по приставной лѣстницѣ на утесъ, съ котораго многими малыми лѣстницами сходятъ въ глубину юдоли. Весь этотъ путь не представляетъ никакого затрудненія. Вскорѣ мы были тамъ, куда сверху нельзя было смотрѣть безъ содроганія. Подъ самую эту подъемную скалою находится источникъ св. Саввы. Онъ не обиленъ водою, но неизсякаемъ ¹⁾, что и составляетъ его неоцѣнимое достоинство. Къ нему надобно идти какъ бы корридормъ подъ высѣченною горизонтально скалою. Вода его однакоже солоновата на вкусъ. От-

¹⁾ Утверждаютъ, что вода, сочась изъ камня, постоянно падаетъ пятью каплями вмѣстѣ. Въ теченіе сутокъ набирается ея 150 оеъ, или около 12 пудовъ.

вѣла въ чудотворной воды и умывъ ею лица и руки, мы пошли впередъ, рѣизъ по потоку, на сей разъ не совсѣмъ сухому и вовсе не палящему, какъ бываетъ въ лѣтнее время, когда дѣйствительно нѣсколько оправдывается калъ бы его арабское имя «огненной рѣки». Русло сей несуществующей рѣки все занесено камнями и камешками всевозможныхъ цвѣтовъ. Наши невидальцы кинулись собирать ихъ на память *плачовой юдоли*. Изъ потока лавра видится въ наибольшемъ ея протяженіи съ сѣвера на югъ, и даетъ лучше понять общность своихъ частей. Ущелье подъ стѣнами ея имѣетъ именно то самое направленіе съ сѣвера на югъ, но не идетъ прямолинейно, а дѣлаетъ выемку на своей правой (западной) сторонѣ, образуя у подъемной скалы какъ бы мысъ. На семъ мысу и выстроена соборная церковь монастыря, раздѣляющая его на двѣ неравномѣрныя части, сѣверную и южную. На южной оконечности находится пещера св. Саввы, о которой мы говорили вчера. На сѣверной—тоже есть пещера съ такимъ же открытымъ переходомъ, обращенная въ церковь св. Іоанна Златоуста. Куда ни взглянешь, вездѣ пещеры! Таковъ общій характеръ юдоли. Мы медленно подвигались впередъ, и о. игуменъ, на правахъ старожила, рассказывалъ, что зналъ, о той или другой пещерѣ. Вираво, на высотѣ онъ указалъ на зіяющее отверстіе скалы, отъ котораго до самаго дна потока тянулся обвалъ. Не очень давно тамъ укрывались пастухи съ своими стадами. Вечеромъ они ушли оттуда, а ночью случился обвалъ. Такъ Богъ спасъ ихъ! заключилъ повѣствователь. Налѣво изъ множества пещеръ онъ указалъ опять на одну, какъ на ту самую, въ которой первоначально жилъ св. Савва, и изъ которой видѣлъ ночью свѣтлый столпъ на мѣстѣ мыищней лавры.

Не болѣе, какъ въ полверстѣ отъ лавры, дебрь круто, почти подъ прямымъ угломъ, поворачиваетъ на востокъ.

Уголь поворота опять имѣть небольшой выгибъ внутрь праваго берега. Все это мѣсто обставлено утесами совершенно отвѣсными, дико, грозно и весьма печально. Въ самомъ соединеніи угловыхъ линій въ дождливое время бываетъ родъ водопада. Теперь мы любовались только его выглаженнымъ ложемъ, отличающимся отъ окрестныхъ скалъ бѣлизною. Саженьяхъ въ десяти отъ угла къ сѣверу, на полвысотѣ скалы и лицомъ въ загнутуюся къ востоку дебрь, видится недоступная теперь ногѣ человѣка, келлія преп. *Ксенофонта*. Она сдѣлана между двумя горизонтально высунувшимися услоями скалы, занимаетъ мѣста въ двѣ-три сажени, и состояла нѣкогда изъ двухъ отдѣленій. Ходъ въ нее прежде былъ вѣроятно по той же высунувшейся окраинѣ, на которой она сдѣлана, либо справа, либо слѣва. Говорятъ, что и теперь еще находятся смѣльчаки, которые проникаютъ въ нее, цѣпляясь руками и ногами за неровности утеса. Впрочемъ и она, какъ все, что было сдѣлано руками человѣческими въ сей юдоли разрушеній, исключая лавры, находится въ разрушенномъ состояніи. Я рассматривалъ ее съ противоположныхъ высотъ въ зрительную трубу, и не находилъ въ ней ничего, кромѣ мелкихъ камней и штукатурки, то держащейся, то опавшей. Подивившись снизу на выпретенное гнѣздо духоокрыленного орла, мы поклонились ему, какъ мѣсту тайныхъ богоявленій, и по направленію дебри обратили лица свои къ востоку. Передъ нами была перспектива скалистыхъ береговъ ея, начинающихся, впрочемъ, отсюда уже терять свой ужасающій отвѣсный видъ. Съ той и съ другой стороны спускаются уже къ руслу покатыя насыпи,—предвѣстники близкаго превращенія разсѣлины въ обыкновенную междугорную логовину, каковою она и является верстахъ въ четырехъ отсюда. Правый бокъ дебри былъ въ тѣни, лѣвый весь залитъ свѣтомъ, и рѣзко давалъ намъ видѣть все свои природныя и рукотѣльныя пещеры—

жизни, когда-то людей, а теперь—звѣрей. Въ самомъ началѣ его, на мысу при поворотѣ юдоли, видится въ полгоры разрушенная келлія *Іоанна*, сына Ксенофонтова. Почти прямо противъ нея на противоположной сторонѣ; тоже въ полгоры, была большая келлія, какъ бы цѣлый скитъ, другаго сына Ксенофонтова *Аркадія*. Братья затворники каждую минуту могли видѣть другъ друга и даже въ тихое время переговариваться другъ съ другомъ, если это позволяло имъ, наложенное ими на себя, правило безмолвія. Обои́мъ имъ вполне видна была и келлія отца. Но кромѣ общенія взоромъ, всякое другое для нихъ было невозможно..... Знаю, что въ наше время насущнаго неуваженія къ высокому подвигу отшельничества, такое разьединенное сожитіе людей единокровныхъ и одиомысленныхъ не представляетъ ничего трогательнаго.. Но, держась взгляда на подвигъ того самаго, который одушевлялъ подвижниковъ, необходимо сознаться, что въ семь, сильною и непреломною волею начертанномъ, триугольникѣ духовной геометріи будетъ болѣе значенія и смысла, чѣмъ сколько воображалъ видѣть въ умоначертательномъ позабытый теперь Экарстгаузенъ, и болѣе измѣрительныхъ свойствъ, чѣмъ видитъ въ тригонометрическомъ землесловіе и звѣздозаконіе. Здѣсь дѣлается заключеніе не отъ видимаго къ видимому и не отъ измѣреннаго къ измѣряемому, а прямо отъ вещества къ духу, отъ твари къ Творцу! Мы не знаемъ тайныхъ соотношеній, существовавшихъ между тремя затворами, но почти увѣрены, что между ними былъ непрерывный соединяющій токъ и тѣсей силы природы, еще менѣе извѣстной, чѣмъ та, въ которую исключительно начинается вѣрить современный міръ. Люди подобнаго жительства видѣли другъ друга, не открывая глазъ, и постигали другъ друга, не сходя съ мѣста. Это конечно чуднѣе немислимаго мгновеннаго тысячевѣрнаго перелета чего-то невещественнаго по ве-

*

ществу.. Преклоняемся смиренно передъ великимъ открытіемъ, дней нашихъ, но приглашаемъ и естествовѣдѣніе воздать глубокое почтеніе тому, о чемъ мы заговорили по поводу, случайно встрѣтившагося намъ, триугольника высшаго измѣренія. Какъ современный намъ электрическій телеграфъ есть неоспоримый фактъ, не смотря на всю его не-подходимость подѣ обыкновенный расчетъ ариѳметическій или логическій, такъ неоспоримый фактъ есть и все то, что передано намъ изъ области подвижнической жизни свидѣтельствомъ, также дивившихся ему, современниковъ его.

Намъ передаютъ, что св. *Марія египетская* шла по водамъ Іордана, къ ужасу видѣвшаго это священника и тоже подвижника. Значить, и тогда случай этотъ казался необыкновеннымъ. Невѣроятно и немыслимо, однакожь было! Если же мы припомнимъ, что тѣ же воды уже прежде великой подвижницы раздѣлялись сперва передъ ковчегомъ завѣта, а потомъ подѣ милостію Іліи, то сговорчивѣе будемъ передъ необъяснимымъ фактомъ. Въ вещественной физикѣ принято за правило—всякій фактъ считать проявленіемъ таящагося закона природы, и имъ повѣрять общепринятые научныя положенія. Не физика, а логика продиктовала такое правило. Та же самая логика заставляетъ насъ признать, что если хотя одинъ разъ человѣкъ, такой какъ мы, шелъ по поверхности воды и не тонулъ, то значить справедливо, что тѣло наше при особенныхъ условіяхъ можетъ измѣняться въ своихъ, всѣмъ извѣстныхъ, свойствахъ, подѣ вліяніемъ или обладаніемъ другой повелѣвающей силы, требующей новыхъ научныхъ положеній. Знаю, что вопросъ не оканчивается тамъ, гдѣ мы поставили конецъ ему, напротивъ, тутъ-то онъ и является вполне вопросомъ,—вопросомъ о дѣйствительности факта, о достовѣрности повѣствователя, о духѣ времени и пр. и пр.. О, чѣмъ мнѣ увѣрить требующаго вѣрности, что

повѣствователю подвижнику гораздо менѣе возможно выдумать что нибудь, чѣмъ самому строгому изслѣдователю-историку старыхъ и новыхъ временъ? Вотъ передо мною идетъ, поднимаясь изъ затвору преп. Аркадія, живой образъ всѣхъ тѣхъ древнихъ сказателей, путемъ которыхъ мы доходимъ до открытій въ духовной физикѣ. Я увѣренъ, какъ въ своемъ бытіи, въ невозможности этому человѣку сказать ложь. Посмотрите вы все, кто бы вы ни были, сами на его лице, на всѣхъ ер. движеніяхъ, на всю его, отрѣвляющую всякую мысль о неискренности и подлогѣ, младенческую простоту обращенія, и вы сами скажете то же самое. Оказать ложь такому человѣку все равно, что наложить на себя руки. Строгая пустыня эта видала и даже возвращала поэтовъ богохвалителей, и романтиковъ и сказочниковъ она не потеряла бы и одну минуту. Итакъ—

Вотъ св. Савва въ одну ночь, проснувшись въ своей келліи, слышитъ гдѣ-то неподалеку предивное пѣніе псалма многими голосами. Думая, что поютъ въ церкви, игумень чудится тому, что могли начать службу безъ его благословенія. Идетъ къ церкви и находитъ ее запертою. Прислушиваясь къ продолжающемуся пѣнію, онъ находитъ, что оно доносится изъ-за оврага изъ келліи одного затворника, который былъ передъ тѣмъ боленъ. Св. мужъ будитъ пономаря и велитъ ударить въ било на сборъ братіи, говоря, что братъ оный померъ, и что нужно идти къ нему. Когда пришли въ келлію затворника, то дѣйствительно нашли его умершимъ и одного! Теперь: кто были пѣвчіе? Какъ слышалъ пѣніе Савва? Почему онъ уразумѣлъ, что отшельникъ померъ? Не знаемъ, доопредѣлять не можемъ. Это былъ фактъ.

Вотъ *Евфимій Великій* съ вѣрою въ бывшее при Моисеѣ, Гедонѣ, Итѣи и пр. кладетъ холодныхъ углей въ кадилъницу, и обходитъ съ нею всю пустыню, помолвившись Богу, чтобы

Онъ зажегъ тѣ угли на мѣстѣ, гдѣ Ему угодно, чтобъ основалась обитель по новому иноческому уставу. Напрасно прохотивши не малое время, чудный человѣкъ рѣшился возвратиться въ свою пещеру, и былъ уже близъ нея, какъ увидѣлъ, что угли горятъ. *Кто зажегъ? Какъ это могло случиться?* Не знаемъ, но знаемъ, что случилось, и случилось задолго послѣ того, какъ самовозжигались жертвы Педеоны и Иліи. Конечно никто, какъ самъ Θεодосій передалъ къ свѣдѣнію нашему то, что случилось съ нимъ. Но кто таковъ былъ сей передатчикъ? А вотъ кто. Въ монастырѣ его былъ записанъ слѣдующій изумительный случай. Въ великой Александріи, слѣдовательно весьма далеко не только отъ монастыря, но и отъ Палестины, дѣти играли у колодца, и одинъ мальчикъ упалъ въ колодець. Пока дана была вѣсть о несчастіи, пока плакали и рыдали, не зная, что дѣлать, разсуждати и наконецъ рѣшились опустить въ колодець человѣка, чтобы вытащить утопшаго, дитя во все это время сидѣло на поверхности воды. Его держалъ за руку одинъ старый монахъ. *Откуда онъ взялся въ колодець? Какъ самъ держался тамъ, и куда дѣвался, когда спустился на веревкѣ посланный вытащить мертвое тѣло?* Все это объяснилось въ послѣдствіи времени и далеко отъ Александріи, а именно въ 6-ти верстахъ отъ насъ, въ монастырѣ преп. Θεодосія. Пораженнаго событіемъ, мать спасеннаго отъ смерти вмѣстѣ съ нимъ обошла всѣ монастыри египетскіе, въ надеждѣ отыскать между живыми стараго того монаха, но, не нашедши, перешла въ эту, представляющую, подыгомъ, пустыню. Лишь увидѣлъ мальчикъ въ монастырѣ Θεодосіевомъ его игумена, какъ бросился къ нему съ крикомъ радости. Дитя имѣло довольно времени всмотрѣться въ лице державшаго его надъ пастію смерти старца и съ избыткомъ—чувства, чтобы привязаться къ нему. Вотъ кто былъ Θεодосій, и конечно когда онъ говорилъ что-нибудь, то ему можно было вѣрить!

Вотъ *Евѣргій Великій* (въ 25 верстахъ отсюда) зоветъ къ себѣ однажды иконома своей лавры и говоритъ ему: приготовь, что нужно; идетъ патріархъ въ гости. Точно, вскорѣ пришли въ монастырь гости. Старецъ принимаетъ патріарха и долго бесѣдуетъ съ нимъ. Икономъ видитъ, что игумень впалъ въ ошибку, и тихо говоритъ ему: вѣдь это не патріархъ, а ризничій великой церкви. Святый мужъ удивился. Вѣрнѣе, сказалъ онъ, что я доселѣ видѣлъ его въ одеждѣ патріаршей. *Какими* очами онъ видѣлъ то, чего никто другой не видѣлъ? Но это не все. Онъ говоритъ иконому о патріархѣ, когда гостей еще не было. Слѣдовательно онъ видѣлъ много патріарха еще на пути. *Какъ же* онъ видѣлъ невидимое? Но и еще не все. Ризничій точно черезъ нѣсколько времени былъ одѣланъ патріархомъ. Слѣдовательно блаженный подвижникъ видѣлъ то, что еще будетъ, — не сущее и чисто возможное по логикѣ ограниченного ума, но имѣвшее быть и слѣдовательно уже существовавшее въ умѣ божественномъ. Не какъ ли зрѣли будущее и древніе пророки?

Точно такими же тайнозрителями и тайнодѣтелями были и другіе великіе когда-то жители сей пустыни: *Иларіонъ, Хармонъ, Теохистъ, Герасимъ, Кирикъ* и пр. и пр.

Время было довольно подумать мнѣ о всѣхъ ихъ. Съ немалымъ трудомъ поднялись мы къ келліи преп. Аркадія. Стезя шла, или лучше—пролагалась по крутому косогору. Нога соскакивала поминутно. Можно было если не оборваться и полетѣть, то скатиться внизъ. Патріархъ попробовалъ было дойти вскользь въ слѣдъ за нами, но благоразумно отказался отъ того, что лѣтъ 10 назадъ непременно бы исполнилъ. Наконецъ мы стоимъ и отдыхаемъ въ бывшемъ затворѣ не одного вѣчно Аркадія, но можетъ быть многихъ десятковъ подобныхъ ему дѣлателей «умнаго дѣланія». Основой жилищу служила природная пещера, глубиною сажени въ три и нѣ-

сколько уже въ ширину. Вся она по широтѣ своей занята была церковію. Алтарь съ тремя типическими полукружіями еще различается ясно. Церковь была первая со входа въ отшельническій пріютъ. Глубже ея, за стѣною, находилась собственно келлія отшельника. Въ нее ведетъ правильно сдѣланная дверь. Это есть простая трещина скалы, не обширная, но очень высокая, со множествомъ выступающихъ частей, служившихъ лавками, полками, шкафами, кроватью, столомъ, очагомъ немноготребовательному обитателю. Комната эта, по протяженію, соотвѣтствуетъ западной половинѣ церкви. Рядомъ съ нею къ востоку есть другая пещера, идущая не вверхъ, а внизъ, и служившая повидимому водоемомъ. Входъ въ келлію загорожала башня, которой нижняя часть и доселѣ сохраняется, бывшая когда-то также водоемомъ. И церкви всѣ прочія помѣщенія въ настоящее время на-половину засыпаны мусоромъ. Рассказываютъ, что еще не очень давно гробъ преподобнаго стоялъ открытымъ и источалъ миро, привлекавшее къ нему множество народа. Такъ какъ этимъ нарушался глубокій покой обители, то кромѣ того причинили ей убытки отъ необходимости питать забравшійся въ пещеру народъ, то одинъ изъ игуменовъ будто бы приказалъ заспать и гробъ и церковь. Это тутъ же на мѣстѣ передали намъ нынѣшній о. игуменъ лавры. Мы зажгли свѣчки на бышемъ алтарѣ, и огласили пещеру пѣніемъ тропаря угоднику южю.

Съ остатковъ башни, образующихъ теперь мелко площадку, поросшую травой, грозная и печальная дебѣ видна въ обоихъ направленіяхъ. Трудно представить видъ болѣе сего нерадующій. Одна только лавра могла, такъ сказать, развлекать зрѣніе того, кто бы поискалъ что либу видѣть, кромѣ скалъ и пещеръ. Если это былъ самъ Атадій, то конечно его вниманіе могли привлекать кромѣ того и любезныя затворы отца и брата. Воображаю, что этой отецъ

и мой братъ живутъ тамъ на скалахъ.. Видимъ другъ друга, помахиваемъ рукою другъ другу, но не говоримъ другъ другу ни слова! Даже пресловутое *memento mori* не было нужды говорить соединеннымъ новымъ родствомъ иночества, бывшимъ роднымъ по плоти. Самое ихъ разрозненное пребываніе тутъ говорило уже о томъ. Скорѣе они посылали взоромъ своимъ другъ другу иную мысль, а именно: «до свиданія въ новой жизни!» Что сказать? Ставши на точку зрѣнія столькихъ нудниковъ царствія Божія, не хочется сойти съ нея, не наговорившись вдоволь о той же неисчерпаемой матеріи, о которой мы уже говорили, поднимаясь физически на эту точку. Можно ли повѣрить, что люди, во всемъ подобные намъ, съ радостію водворялись и жили въ жесточайшихъ трудахъ и лишенияхъ посреди этой безотрадной и достойной своего имени, юдоли плача, не получая за то ни откуда никакого вознаграждающаго утѣшенія? Нѣтъ, это быть не можетъ. Одного увлеченія не достало бы и на одинъ годъ—скажемъ мѣсяцъ—такой жизни. Что же приковывало людей къ темной, сырой, тѣсной и душной пещерѣ на всю ихъ жизнь? Выработываніе въ себѣ иной жизни, раскрытіе, изученіе и наконецъ употребленіе невѣдомыхъ, и дотолѣ только подозрѣваемыхъ, божественныхъ силъ въ существѣ своемъ; это безцѣнное преимущество, величайшее достоинство и ни съ чѣмъ несравненное счастье,—вотъ что превращало для затворника его убогій и страшный затворъ въ царскій чертогъ! Обратимся къ своему, даже азбуки подвижнической не учившему, сердцу. Что, если бы, неожиданно для самого себя, кто нибудь изъ насъ замѣтилъ, что достаточно одного его молитвеннаго слова къ тому, чтобы просимое исполнилось? Ужели бы онъ не оцѣнилъ въ себѣ этого чуднаго дара паче всего, что онъ знаетъ и имѣетъ, дорогаго въ мірѣ? Вѣдь это значило бы, что онъ становится истиннымъ и дѣйственнымъ участникомъ Божества!

То, о чемъ мы говоримъ теперь предположительно, въ духовныя времена процвѣтавшаго подвижничества было явленіемъ ежедневнымъ. Эти сотни нынѣшнихъ логовищъ звѣриныхъ въ тѣ, присножалѣемыя, времена были чудными и преисполненными таинствъ, лабораторіями человѣческаго духа. Неусыпный труженикъ процессомъ великаго воздержанія, неослабнаго терпѣнія и строжайшаго вниманія къ самому себѣ вымогалъ у природы своей одно за другимъ явленія сокровенныхъ въ себѣ силъ. И конечно, ни одинъ химикъ ни сотои доли не ощущалъ въ себѣ той радости, при видѣ достигнутаго желаннаго (или не чаемаго) результата, какую чувствовалъ блаженный отшельникъ-чудотворецъ. Знаю, что говорю къ людямъ, не увлекающимся словомъ.. Чтобы попасть въ извѣстный игрунечный Вавилонъ, играющему древними временами скептицизму нужно перейти, или обойти, 12 стѣнъ, и при этомъ то быть у самаго почти существа дѣла, то удалаться отъ него не-знать куда. Его стѣны суть извѣстныя въ риторикѣ: кто, что, гдѣ, какъ, почему и пр.. Придите же сюда, въ эту усѣянную затворами и пропитанную подвигомъ, юдоль, и во всю эту «пустыню св. Града», «прочитайте, что и какъ и кѣмъ передано намъ о временахъ минувшихъ, и не будите не вѣрни, но вѣрни,—вы ходящіе кругомъ Вавилона между воображаемыми стѣнами!

Благоупотребляя терпѣніемъ читателя, я послѣдовательно съ тѣмъ, что говорилъ выше, передамъ одинъ рассказъ, одного старыхъ временъ очевидца, одного не важнаго, но весьма поучительнаго, случая. Верстахъ въ 6-ти отсюда къ востоку есть одна гора, называемая *Кастель*. Когда-то при іудеяхъ или римлянахъ тамъ была крѣпость (Castellum). Св. Савва выстроилъ тамъ монастырь. Въ этомъ монастырѣ жилъ отшельникъ *Стефанъ*. Ученикъ его (Леонтій) передалъ слѣдующее о старцѣ: «Когда были дни памяти св. Саввы, къ

нему (Стефану) припелъ *Евстаѳій*, бывшій тогда еще игуменомъ (потомъ епископомъ Лидды). Ночь вечеръ всѣ поужинали немногими плодами. Вдругъ лице старца просвѣтлѣло и загорѣло, какъ солнце. Мы устремили на него взоръ свой. Онъ сказалъ: я вамъ говорю, что у входа въ эту пещеру въ землѣ лежитъ спрятанный тазъ. Если хотите увѣриться, начните тутъ рыть, и найдете. Евстаѳій немедленно сталъ рыть землю руками, но жаръ его скоро простылъ. Дивный старецъ сталъ выговаривать: ни вѣры, ни терпѣнія нѣтъ у васъ, жалкіе! Сталъ и я съ тѣмъ рыть. И уже довольно глубоко выкопали мы землю, какъ нами начало овладѣвать недовѣріе, и мы перестали рыть. Старецъ съ уѣмѣшкой сказалъ: продолжите еще немножко, маловѣрные! По приказу старца порывши еще немного, мы попали на древній тазъ, въ которомъ однакоже ничего не было. Когда мы его нашли, въ насъ возникло сомнѣніе и подозрѣніе, что не зарылъ ли тутъ таза онъ самъ, или не сказалъ ли ему о немъ кто другой. Наконецъ я спросилъ о томъ старца. Онъ почтилъ насъ успокоительнымъ отвѣтомъ, сказавъ: свидѣтель, конечно, сама истина, что я не зарывалъ его (таза), ни другой кто не говорилъ мнѣ о немъ, ни мысли у меня не было о томъ, что онъ тутъ лежитъ спрятанный до самой той минуты, какъ я вамъ сказалъ о немъ. Тогда я понялъ ясно, что онъ прозорительнымъ умомъ достигъ сего». Вотъ весь рассказъ. Видите ли, какъ онъ простъ и совершенно правдоподобенъ? Видите ли, что у людей—очевидцевъ—были и недовѣріе и сомнѣніе и подозрѣніе? Видите ли, что ни старецъ не ищетъ урезонить ученика, ни ученикъ занять насъ своимъ рассказомъ? Все представлено, какъ было; и заключеніе рассказчика о *прозорливости* старца, основанное на одной ссылкѣ того на *истину*, есть уже для насъ самое рѣшительное свидѣтельство того, что рассказанное все истинно и имѣло тотъ самый характеръ,

въ которомъ передано. Будемъ ставить себя и мы въ то же самое положеніе относительно повѣствователей о древнихъ подвижникахъ, въ какомъ сами повѣствователи находились въ отношеніи къ подвижникамъ. Ни лжи, ни заблужденію не могло быть мѣста между ними. Они знали другъ друга, и когда вѣрили одинъ другому, то вѣрили потому, что не вѣрить было невозможно. Но.. довольно говорить о томъ, что говорить само за себя.

Не менѣе трудно было намъ спуститься отъ келліи преп. Аркадія, чѣмъ подняться къ ней. Патріархъ сидѣлъ на одной изъ утѣсистыхъ глыбъ потока, и ожидалъ насъ. Ему начали рассказывать, что тамъ видѣли на верху. Онъ, выслушавши все, замѣтилъ, что былъ тамъ не разъ, и когда еще былъ лиддскимъ (архіепископомъ), то часто провожалъ сюда поклонниковъ поименитѣе. «Разъ, говорить, тутъ противъ лавры мы также сидѣли на камняхъ и отдыхали съ однимъ важнымъ англичаниномъ, и онъ все меня благодарилъ за то, что я доставилъ ему случай увѣриться и увидѣть собственными глазами, что и въ наши дни у церкви Христовой есть войны», Спасибо иновѣрцу на добромъ словѣ. Если бы отечество его перестало только высылать сюда легионы миссіонеровъ и милліоны шиллинговъ для подрыва самыхъ основаній Христовой церкви ¹⁾! Эти холодные проповѣдники сытаго и веселаго христіанства, вопреки выраженіямъ фразистаго туриста, не находятъ въ юдоли плача ничего евангельскаго, и на несчетныя стражницы «воиновъ Христовыхъ», украшающія ее, смотрятъ какъ на грустныя памятники человѣческаго умопомѣшательства.. Зачѣмъ же думать одно, а говорить другое?

¹⁾ «Славяцкій этотъ царь Θεодоръ!», удалось мнѣ недавно услышать здѣсь отъ одного туземца. «Онъ засадилъ этихъ непрошенныхъ учителей въ кѣтку, и даже выбросить ихъ за свое государство не хочетъ! У насъ такъ вотъ мѣтъ такого Θεодора!».

Возвращаемся тѣмъ же сухимъ русломъ къ лаврѣ. Опять собираемъ камешки. Опять «старецъ» рассказываетъ, гдѣ въ какой пещерѣ кто жилъ въ старыя времена, по сохранившемуся преданію. Поровнявшись съ юговосточнымъ угломъ обители, онъ указалъ намъ вверхъ на одно окно и сказалъ, что оттуда, около двухъ лѣтъ назадъ, спустился по веревкѣ жившій тамъ монахъ изъ грузиновъ, почти совершенно голый, и ушелъ на Иорданъ, гдѣ скитался около 20 дней безъ пищи, наконецъ выкопалъ себѣ могилу и легъ въ нее, чтобъ умереть. Но тутъ явился ему одинъ старикъ и, толкнувъ его въ бокъ, приказалъ ему немедленно возвратиться въ монастырь. Братія едва могли узнать его, когда онъ совершеннымъ скелетомъ притащился въ лавру на костыляхъ. Неискусный отшельникъ ¹⁾ здравствуетъ до сихъ поръ. Кто бы это былъ тотъ старикъ, который выгналъ изъ могилы собиравшагося умирать?.. Ранѣе этого случая былъ другой, подобный ему. Какая-то русская «именитая» поклонница однажды, бывши въ Вишлеемѣ, вдругъ пропала. И много дней не слышно о ней было ничего. Ее привели наконецъ отъ монастыря св. Саввы. Что было причиной того, что она очутилась въ пустынѣ, намъ никто не могъ сказать. Только извѣстно, что она блуждала по ней не мало времени, и наконецъ отъ труда и голода пришла въ крайнее изнеможеніе. Ночью гдѣ-то въ горахъ заснула, и видитъ во снѣ одного старца, который говоритъ ей: «иди вотъ въ эту сторону, тамъ у меня есть домъ»; та встала, направилась, куда указано было, и вышла.. къ лаврѣ св. Саввы! Кто сей старецъ, говорить не нужно. Такъ какъ этотъ случай былъ лѣтъ 7 или 8 назадъ, то очень можетъ статься, что

¹⁾ Странный поступокъ его объясняется нѣсколько тѣмъ, что кто-то изъ братства заподозрилъ его въ присвоеніи себѣ чужой одежды. Не причастный такому грѣху оставилъ монастырь и ту одежду, которую имѣлъ.. Теперь, конечно, уже никому не придетъ охота вносить на него наираслину.

поклонница та жива еще, и можетъ подтвердить или отвергнутьъ рассказанное нами. Дорогіе факты! Послѣдній смыслъ ихъ очевиденъ, и мы радуемся о томъ, что можемъ сообщить ихъ во всеобщую извѣстность.

Идя вверхъ по потоку, мы миновали лавру,¹ и дошли до большой пещеры на правой сторонѣ. Это высокая трещина въ скалѣ. Со стороны потока она загорожена высокою стѣною. Тутъ была одна изъ наибольшихъ отшельническихъ келлій юдоли. Ее называютъ именемъ великаго безмолвника *Іоанна Колонійскаго*, того самаго, котораго за великія добродѣтели хотѣли въ лаврѣ сдѣлать пресвитеромъ, но оказалось, что онъ былъ уже епископъ. Нѣсколько далѣе ея, по лѣвой сторонѣ, стоятъ развалины другаго пріюта отшельническаго. Онѣ имѣютъ видъ правильно строеннаго дома, возвышающагося на крутомъ косогорѣ, и хотя прилегающаго къ скалѣ, но не входящаго въ нее. Это какъ бы уже цѣлый скитъ, а не одна келлія. По преданію, здѣсь жила мать св. Саввы, *Софія*. Можетъ быть тутъ же проживала нѣкоторое время и преп. *Марія*, супруга св. Ксенофонта. Достовернѣе, впрочемъ, что она подвизалась въ одномъ изъ женскихъ монастырей Іерусалима или Вилесма. Съ другой стороны извѣстно, что преп. *Софія* погребена въ монастырѣ преп. *Теодосія*, гдѣ почивала нѣкоторое время и наша преп. *Евфросинія* полоцкая. Въ одной части развалинъ была когда-то церковь. Еще и теперь по стѣнамъ ея видна въ полустертыхъ чертахъ стѣнная иконопись. Отъ обѣихъ пріютовъ этихъ тянется по косогору къ потоку буча мусора, въ которомъ множество видно кусочковъ мраморной мозаики, устилавшей нѣкогда полы келлій. Далѣе мы не пошли. Возвратились въ высprenнюю обитель тѣмъ же путемъ, коимъ и спустились изъ нея. Поднимаясь, насчитали на разныхъ лѣстницахъ 102 или 104 ступени до спускнаго окошка некарни. Да еще около 30 нужно пройти въ самомъ

монастырь, чтобы добраться до уровня монастырского двора. Всѣхъ же ступеней отъ источника св. Саввы до верха Юстиановой башни насчитываютъ 385.

Было около полудня. Тотъ же колоколъ, который въ полдень звалъ братій на трудъ, теперь приглашалъ ихъ на «утѣшеніе». Всѣ собрались въ трапезу, довольно обширную и длинную комнату со сводами, уставленную возлѣ продольныхъ стѣнъ каменными столами. Патріархъ сѣлъ на игуменскомъ мѣстѣ. Желалось бы не сомнѣваться, что на томъ же самомъ мѣстѣ, и даже камнѣ, сидѣлъ когда-то и богоносный Савва! Противъ патріарха сидѣлъ нашъ архимандритъ и пр. Подано было три яства съ смоквами и апельсинами и краснымъ кипрекимъ виномъ. Утѣшеніе было по уставу *велие*. Одинъ изъ служившихъ литургію іеромонаховъ читалъ по-гречески дивное житіе преподобныхъ. Зная его такъ сказать наизусть, я вслушивался только въ собственные имена. Патріархъ видимо умиленъ былъ чтеніемъ ¹⁾. Онъ почти ничего не ѣлъ и не пилъ. По окончаніи стола, было обычное «возвышеніе панагии» съ длиннымъ чтеніемъ, но безъ пѣнія. Большая серебряная подъ позолотою кружка съ виномъ, изящной работы, имѣла на себѣ вензель Екатерины II. Укруховъ хлѣба набралась не одна кошница. Ихъ ожидали голодные бедуины изъ окрестныхъ кочевьевъ, пришедшіе въ монастырь частію по дѣлу, частію такъ—отъ избытка празднаго времени и въ чаяніи именно сей самой укрупечной подачи. Жалкій народъ этотъ считаетъ теперь себя уже *подъ покровительствомъ* лавры, которой честь эта конечно обходится не дешево. Игумена (по ихъ: *Абуна*, т. е. отецъ нашъ) эти невоспитанные дѣти пустыни чтутъ какъ святаго, не смотря на свое маго-

¹⁾ Онъ приказалъ одному профессору крестной школы перевести на арабскій языкъ и напечатать для народнаго чтенія житія—св. *Ксенофонта* и св. *Алексія* человека Божія.

метанство. Вотъ новое свидѣтельство жизненности и дѣйствительности подвига, проникнувшего собою всю дикую и сухую почву Палестины.

Погода быстро стала измѣняться съ полудня. Вся полоса неба, видимая изъ рамокъ дебри, была покрыта облаками, когда мы вышли изъ темной трапезы на свѣтъ Божій. Они плыли по своему неизмѣнному направленію съ сѣверозапада на юговостокъ и предвѣщали къ вечеру дождь. Гости собирались, потому, поскорѣе домой, не смотря на желаніе хозяевъ удержать ихъ и на слѣдующій попразднественный день, въ который имѣли быть предложены на трапезѣ и типическіе *лукмады*. Между тѣмъ, по желанію патріарха, братія-художники вынесли и разложили на одной изъ террасъ обители произведенія своего трудолюбія для продажи. Это были трости изъ разнаго рода деревъ іорданскихъ, ложки, четки, крестики, иконочки и пр. Базаръ длился около часа и доставилъ пустынникамъ, думаю, піастровъ сто выручки. Не очень много, конечно, но, по пословицѣ, все же лучше, чѣмъ ничего. Въ то же время охотники изъ нашихъ взбирались на сторожевыя башни монастыря. Въ нихъ обѣихъ есть по жилому помѣщенію. Въ *Юстиніановой* и теперь живетъ сторожъ, наблюдающій сверху приходящихъ въ монастырь странныхъ. Въ *Симеоновой* теперь не живетъ никто. Въ ней есть и церковь, а въ подземной части ея глубокій водоемъ. Входъ въ нее также черезъ окно по подъемной лѣстницѣ. Кругомъ ея есть много слѣдовъ бывшихъ построекъ, но все сухо, безжизненно и весьма невзрачно. За то у подножія Юстиніановой башни пріятно красуется зелень и даже цѣлое дерево въ родѣ нашихъ плакучихъ ивъ. Такимъ образомъ, это уже третій садъ монастыря, выстроеннаго на голой скалѣ и застроеннаго какъ бы сплошь зданіями, не включая въ то число пресловутой пальмы, растущей надъ самымъ обрывомъ скалы и

прикованной цѣпями къ сосѣднимъ стѣнамъ въ предохраненіе отъ напора вѣтровъ!

Я любопытствовалъ видѣть одну келью, въ которой жилъ недавно одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ, утонувшій въ Іорданѣ. Не келья собственно влекла меня туда, а замѣчательное обстоятельство, сопровождавшее кончину келліота. Вотъ что разсказывается о семъ со словъ неложнѣйшаго свидѣтеля, самого о. Іоасафа. Монахи монастыря часто ходятъ на Іорданъ то для ловли рыбы, то за деревьями. Однажды отправился туда съ другими и *Никодимъ*. Умѣя плавать, онъ далъ себѣ волю на быстротечныхъ водахъ, поплылъ внизъ по рѣкѣ, и не возвращался болѣе. Въ ночь того дня въ монастырѣ игуменъ видитъ во снѣ, что Никодимъ пришелъ къ нему, и проситъ его идти съ нимъ въ его келью отслужить молебенъ Богоматери. Геронда (старецъ) немедленно, будто бы, встаетъ и идетъ за нимъ. Дошедъ до кельи, Никодимъ остановился и пристально смотрѣлъ въ землю въ одномѣсто около дверей. Вошедъ внутрь, накинулъ на себя коверъ, и сталъ также пристально смотрѣть въ окно. Съ тѣмъ и пробудился старецъ. Въ тотъ же день узнали, что Никодимъ наканунѣ утонулъ. По монастырскимъ постановленіямъ, пошли осматривать жилище усопшаго и забирать оставшія послѣ него вещи. Нашли келью запертою, и рѣшивъ, что ключъ отъ нея покойникъ взялъ съ собою, разломали дверь. Переписавши, что было въ кельѣ, нигдѣ не нашли денегъ, а знали, что у него было около 500 піастровъ. Старецъ, памятуя странный сонъ, тщательно осматривалъ окно, но тамъ ничего не было и повидимому быть не могло. Не довольствуясь однимъ разомъ, онъ пригласилъ съ собою русскаго же монаха Савву, и вмѣстѣ оба стали снова осматривать келью во всѣхъ подробностяхъ. Старецъ разсказалъ товарищу свой сонъ. Тотъ также сталъ присматриваться къ окну, и наконецъ увидѣлъ

малую, торчавшую изъ стѣны нитку. Потянувъ ее, вытащили изъ стѣны вкладную штукатурку, и нашли за нею 6 золотыхъ монетъ.. Впослѣдствіи времени, перестраивая что-то у кельи, отыскали и ключъ отъ нея именно тамъ, куда смотрѣлъ умершій въ сновидѣніи... О чемъ говорить этотъ *нашихъ дней* таинственный случай? О томъ, 1) что переставшіе жить не перестаютъ существовать, 2) что духи имѣютъ возможность заявлять намъ о себѣ, 3) что сны наши не всегда суть одинъ безсмысленный бредъ, и наконецъ 4) что явленіе чрезвычайныхъ дарованій и дѣйствій во всякое время и возможно и бываетъ тамъ, гдѣ есть пригодный для того пріемникъ или проводникъ. Слава Богу!

Заклучимъ этимъ утѣшительнымъ обстоятельствомъ рассказъ нашъ о памятномъ праздникѣ палестинской лавры. Около 2-хъ часовъ по полудни началась вечерня. Пѣли и читали тѣ же ночные трудолюбцы. Но выходѣ изъ церкви насъ встрѣтилъ накрапывавшій дождь. Не мало смутило это насъ-пѣщеходовъ. Но къ счастью еще утромъ сдѣлано было распоряженіе, чтобы окрестные кочевники доставили въ монастырь потребное число ословъ, которыхъ мы и разобрали, кто могъ и кто хотѣлъ. Часа въ три гости оставили монастырь при звонѣ колоколовъ. Впереди всего поѣзда ѣхалъ *патріаршій* кавасъ съ булавою. За нимъ слѣдовалъ цѣлый отрядъ бедуиновъ, оборванныхъ и босоногихъ, съ ружьями на плечахъ, въ видѣ почетной стражи ѣхавшаго за ними патріарха. Спустившись съ окраины ущелья къ бывшему «базару монаховъ», смѣху-подобное воинство сдѣлало что-то въ родѣ *на караулъ* его блаженству, и отправилось во свои. А мы поѣхали далѣе. Патріархъ имѣлъ намѣреніе ѣхать въ Виелемъ, но непогодье заставило его поспѣшить въ Іерусалимъ. На немъ и на двухъ его іеродіаконахъ надѣты были черные изъ плотной шерстяной ткани плащи, не закрывавшіе впро-

чемъ головы. Сивый иноходецъ патріаршій шелъ такимъ быстрымъ и легкимъ шагомъ, что слѣдовавшіе за нимъ всадники поминутно должны были нагонять его, а ѣхавшіе на ослахъ или *ослятахъ* (какъ выражаются наши поклонники, считая послѣднее имя болѣе приличнымъ и вѣжливымъ, чѣмъ первое) черезъ полчаса ѣзды должны были волей-неволей отстать отъ передовой колонны, а вскорѣ и совсѣмъ отдѣлились отъ нея. Патріархъ со свитою поѣхалъ по продолженію долины Кедронской, избравъ дорогу болѣе ровную, а задняя партія слѣдовала прежде-описанною дорогою, какъ кратчайшею. Обѣ колонны съѣхались впрочемъ подъ горою Соблазна. Во все, почти трехъ-часовое, продолженіе пути другъ за другомъ налетали на насъ облака съ сильнымъ встрѣчнымъ вѣтромъ и заливали насъ дождемъ, заставляя прятать лица и ѣхать на угадъ. Хорошо хотя, что привычныя животныя сами знали свое дѣло, и не нуждались въ руководствѣ сѣдоковъ. Послѣднимъ оставался только трудъ понужденія, и надобно сказать, что это не было одно пустое слово, а истинный безотдышный трудъ.

У яфскихъ воротъ патріархъ и начальникъ миссіи взаимно поблагодарили другъ друга за обязательное сопутствіе и простились. Блаженнѣйшій скрылся за твердыни «замка Давидова», а мы направились къ своимъ «постройкамъ». Уже темнѣло, и съ великаго моря неслись несчетныя массы зловѣщихъ синевато-черныхъ облаковъ, предсказывавшихъ бурную ночь.. Видно, что до новой луны простоятъ все та же сырая и холодная погода. Всѣ ждутъ здѣсь снѣга, или собственно не ждутъ, а опасаются. Ждемъ его искренно и нелицемѣрно одна только мы—сѣверяки. Это будетъ рѣдкое явленіе въ тепломъ и свѣтлосіянномъ Іерусалимѣ.

А и Б.

*